

© М.А. БУРЯКОВ

mchlb@mail.ru

УДК 81'373.4

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СЕМАНТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена логико-семантическому анализу эмоциональных наименований. Эмоциональные процессы рассматриваются двояко: как результат практического опыта человека, нашедший выражение в лексическом значении термина, и как продукт развития категории грамматического субъекта (и предиката), отражающий различные эмоциональные и психические процессы. Предлагается рассматривать эмоциональные процессы (аффекты, эмоции и чувства) как стадии субъектно-объектного приближения, на фоне которого образуется и формируется семантика эмоциональных терминов. Автор показывает, что появление эмоциональных терминов было невозможно ни на этапе «аффективного» суждения, ни на этапе «эмоционального», поскольку субъект отождествлялся то с объектом (S есть O), то с действием (SV есть O). Только на этапе «суждения чувства» стало возможным появление первых эмоциональных терминов, так как между субъектом и объектом на место действия становится отношение (S есть P). С логико-грамматической точки зрения, здесь речь идет о разном характере предикативности, поскольку предикативные отношения принадлежат не грамматическому субъекту, а говорящему. Поэтому они не влияют на семантику предиката, и последний оказывается противопоставленным действию. Эта оппозиция является логико-грамматической основой языков активной типологии. Процесс отождествления субъекта говорящего с агенсом действующим и отражения в языке субъектного отношения приводит позднее к выражению «психического» в разнообразии предикативных форм. Наряду с глагольным предикатом появляются: именной, адъективный, финитный (безличный глагол), инфинитный (причастие).

SUMMARY. This article contains a logical-semantic analysis of emotional names. Emotional processes are examined in a twofold manner: as the result of a person's practical experience, expressed in a term's lexical meaning, and as the product of development of the grammatical subject (and predicate) category, reflecting various emotional and psychic processes. The author suggests that emotional processes (affects, emotions, and feelings) can be examined as stages of subjective-objective approximation, from which the semantics of emotional terms originates and on the basis of which it is formed. The author demonstrates that emotional terms could not have appeared at the stages of either "affective judgment" or "emotional judgment", as the subject was identified with either the object (S is O) or the action (SV is O). Only at the stage of the "judgment of feeling" did appearance of the first emotional terms become possible, since the relationship (S is P) replaces action between the subject and the object. From the logical and grammatical standpoint, this refers to the varying nature of predicativity, as predicative attitudes pertain not to the grammatical subject, but to the speaker. Hence, they do not influence the semantics of the predicate, and the latter proves to be counterposed to action. This opposition comprises the logical and grammatical basis of active-typology

languages. The process of identifying the speaker's subject with the acting agent and of reflecting the subjective attitude in a language later leads to the expression of the "psychic" in the variety of predicative forms. Along with the verbal predicate, there appear nominal, adjectival, finite (impersonal verb), and infinite (participle) ones.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. «Аффективное» суждение, «собственно эмоциональное» суждение, «суждение чувства», субъект и предикат: отношение тождества и possessивные отношения, аффективная конструкция и аффективные глаголы.

KEY WORDS. "Affective" judgment, "own emotional" judgment, the judgment "of feelings", subject and predicate: identity and possessive relations; affective construction and affective verbs.

Семантическое описание эмоциональных терминов сопрягается с проблемой отражения в языке категории субъекта, ибо только в субъекте и через субъект отражаются языком различные эмоциональные состояния. Следовательно, адекватное описание подобной лексики невозможно без учета исторических форм выражения грамматического субъекта. В то же время известно, что эмоция является не только феноменом психики, находящим отражение на уровне языковой структуры: морфологии, синтаксисе и лексике, но и особой формой познания окружающей действительности, ее ценностным ориентиром. Именно в эмоции (в широком смысле этого слова) и через эмоцию субъектно-объектные отношения находят свое первоначальное отражение. Есть все основания считать, что чем дальше мы углубляемся в человеческую историю и тем самым в историю языка, тем значительнее становится роль эмоциональных процессов в познании человеком окружающей действительности. Известный психолог Б. Додонов вообще называл эмоциональные отношения на заре человеческой истории «предформой мышления» [1; 30]. «Таким образом, — пишет А.Н. Леонтьев, — эмоции и эмоциональные выразительные движения человека представляют собой не рудиментарные явления его психики, а продукт положительного развития и выполняют в регулировании его деятельности, в том числе и познавательной, необходимую и важную роль» [2; 63]. «Эмоция возникает каждый раз, — как говорят М.Б. Арнольд, Дж.А. Гассон, — как только что-либо узнается как привлекательное или отталкивающее» [3; 197]. Ступени этого «узнавания» укладываются, собственно, в известную триаду, идущую еще от Э. Канта, а именно: аффекты, собственно эмоции и чувства, — которые здесь рассматриваются как взаимообусловленные стадии субъектно-объектного приближения.

Итак, аффекты — это такая стадия познавательного процесса, когда их жестово-мимические или вербализованные выражения становятся заместителями предметов и состояний окружающей действительности [4; 85]. В аффекте личность «парализована», «слита» с объектом восприятия: «Медведь уже должен быть», — образно характеризует аффект А.Н. Леонтьев [5; 464]. Вот почему первые знаки-символы (жестовые или мимические) имеют инактивный характер, отражают объект как результат субъектно-объектного тождества, основные определения которого, — как пишет С.Д. Кацнельсон в плане генезиса языка, — «положены вне его» [6; 99]. Таким образом, первым «суждением» (а, следовательно, и первым знанием, добытым человеком в реальной действительности) было «аффективное суждение» *S есть O*, где *S* — индивид со своими объектными оценками, а *O* — объект, данный в субъектном восприятии. При таком отношении **субъект как носитель активности, как самостоятельное на-**

чало, отличное от своего действия или состояния — не может быть выражено. На это с очевидностью указывают такой, например, языковой артефакт, как: супплетивизм личных местоимений, характерный для всех языков (рус. *я — меня*, ст.-слав. *азъ — мене*, греч. *ἐγώ — ἐμοῦ*, энкл. *μου*; лат. *egō — mei*; скр. *aḥāt — tāta*, энкл. *те* и т.д.), который «сигнализирует существование в прошлом какого-то отличающегося от современного сознания субъекта» [6; 33]. Дело проясняется тем, что личные показатели глаголов инактивной сессий в языках активной и эргативной типологии оказались этимологически тождественны с так называемой аппозитивной идентифицирующей флексией притяжательных форм имени [7], выражающей тождество обладающего с тем, которым обладают [8; 207]. Это позволяет предположить, что субъект действия точно также отождествлялся первоначально с объектом, не выделялся из него. Вследствие этого появление в языке эмоциональных терминов (в широком смысле этого слова, в том числе и предикатов) на «аффективной стадии» языкового развития было невозможно.

В отличие от аффективной, на собственно эмоциональной стадии познания окружающей действительности в психике появляется аффективный образ объективной действительности, благодаря которому субъект осуществляет свою избирательную деятельность. Тактильные субъектные восприятия приобретают направленность, превращаясь в активное субъектное действие. Формула эмоционального суждения приобретает отличный от аффективного вид, поскольку в ней появляется новый символ V (действие): *SV есть O*, где *SV* — мотивационная деятельность по достижению предмета потребности. Суждение отображает появление субъектной интенции, т.е. субъектного действия, как бы «встающего» между субъектом и объектом. В результате действие противопоставляется объекту (недействию). Однако субъект и в собственно эмоциональном суждении остается (грамматически) невыраженным, поскольку продолжает отождествляться со своим действием. Возникшая в «собственно эмоциональном» суждении субъектная интенция преобразовала объектное тождество инактивного актанта* в аффективном суждении (*S* есть *O*) в субъектно-предикатное тождество активного актанта (*SV* есть *O*) в суждении «собственно эмоциональном».

На языковом уровне это выражается в разделении имени и глагола и, соответственно, — оппозиции активного и инактивного начал, которую Г.А. Климов в своей контенсивной типологии языков активного строя считает основной [9; 55]. Он реконструирует для древнего состояния языка глубинную семантическую оппозицию активного и инактивного начал, ориентированную «на передачу не субъектно-объектных отношений, которые находят здесь лишь имплицитное выражение, а отношений, существующих между активным и инактивным **актантами**» [7]. Еще раньше на эту особенность древнего языка указывал К.Х. Уленбек, которую он усматривал в таком языковом артефакте, как совпадении форм им. и вин. падежей сред. рода и вин. падежа муж. и жен. рода во всех и.-е. языках (санскр. *yugām*, греч. *ζυγόν* и санскр. *vṛkam*, греч. *λύκον*) [10; 101].

* Понятие об актантах, введенное историками языка для отображения субъектно-объектных отношений на определенной стадии развития языка, точнее объясняет процесс субъектного отражения

С оппозицией активных и стативных глаголов коррелирует широко известная оппозиция индоевропейского актива и медиа, поскольку в и.-е. глаголе, как утверждал Э. Бенвенист, «содержится указание только на связь с субъектом, но не с объектом» [11; 185]. Если бы предположить, пишет исследователь языка, что «типично медиальный глагол» (например, греч. *κοιμάται* «он спит» или санскр. *vardhate* «он увеличивается, растет») примет (как вторичное явление) форму актива (*κοιμά* «он усыпляет (кого-либо)» и *vardhati* «он увеличивает (что-либо)»), то результатом этого будет переориентировка действия с субъекта на объект, т.е. транзитивность [11; 189]. Но поскольку в посылке этого предположения («связь с субъектом, но не с объектом») понятие объекта отсутствует, подобное переосмысление медиа в актив на стадии оппозиции медиа и актива — немыслимо, и, следовательно, в индоевропейскую эпоху господствовала глубинная семантическая детерминанта активного и инактивного начала (resp. одушевленного и неодушевленного). Дело исчерпывается тем обстоятельством, что за активной диатезой стоит «активное действие», а за медиальной — только процесс или состояние. «В очень ранний период развития общиндоевропейского языка-основы, — подчеркивает П.С. Кузнецов, — различались лишь категория, выражавшая состояние, являющееся результатом совершенного действия (перфекта), и категория, выражавшая лишь самое действие» [12; 213]. Этим утверждением фактически постулируется имплицитный характер субъекта. Сюда же можно отнести и этим объяснить сходство, на которое указывает О. Семереньи, медиальных форм и древних перфектных, которые, как известно, обозначали состояние и производили впечатление «именных образований» (особенно формы 3-его лица ед. ч. на *-e*) без какого-либо указания на субъект [13; 346]. И те и другие отражали состояние в тождестве с его субъектом.

Наконец, на стадии чувств предметная связь приобретает относительно постоянный характер: это происходит благодаря кристаллизации эмоции в объекте [14; 152], например: положительная эмоция по отношению к девушке рождает чувство *любви* (отсюда амбивалентность чувства: несмотря на возникновение ситуативных отрицательных эмоций, чувство любви продолжает жить в человеке). Поэтому чувство называют иногда «эмоциональной константой». Его-то как раз и можно представить в виде суждения: *Сесть P, где P* есть собственно или *O*, или *VO*. В силу этого тождество *S* и *O* (или *V*) нарушается, сменяясь на качественно иное отношение. Его характерным свойством является постоянство, вследствие чего его можно назвать «бытийным». Оно соотносит субъект со своими действиями и состояниями как с его собственными «свойствами» и «признаками», не имеющими самостоятельного характера. Грамматически субъект выражается прежде всего в предикативном употреблении прилагательного и далее в образовании связки.

Все эти глубинные семантические преобразования находят отражение в структуре языка в целом ряде похожих грамматических артефактов. И прежде всего, в выделении из категории активных — глаголов «аффективных»*, с особым показателем лица — носителя аффективного состояния, ср. «построения

* Ибо эмоциональное состояние в силу своего одновременно активного и пассивного характера не может принадлежать только активному, или только инактивному субъекту (как это имеет место в языках активной типологии).

ассинибойн *ne wówari uasika mn-uha* 'газеты, которые ты хочешь у меня' (где глагольная словоформа содержит префикс 1-го лица «аффективного» ряда *mn-*) или ирокезского языка сенека *aka-thuⁿ-te* 'я слышу' (где налицо функционально аналогичный личный префикс *aka-*)» [9; 120-121]. Важнейшим семантическим отличием этих глаголов от активных является значение субъектного обладания. Неслучайно Э. Бенвенист ставил их в один ряд с глаголами обладания [11; 214], а Степанов в своей семантической классификации считал, что «переживать», 'чувствовать', в конечном счете 'иметь'» [15; 142].

Характеризуя оппозицию активного начала инактивному нельзя не обратить внимание на тот факт, что в индейских языках, которые Г.А. Климов относит к раннеактивным (на-дене), отсутствуют, как «глаголы непроизвольного действия», типа: 'видеть', 'слышать', 'любить', 'бояться', так и глаголы «обладания 'наличествовать', 'находиться', 'иметь' и подобные, которые прямо указывают на субъект» [7]. Возникновение этого разряда в языках активной типологии «обуславливает как особую конструкцию предложения, так и определенные особенности морфологической структуры и ее ингредиентов» [9; 98]. «Аффективная» конструкция предложения имеет две разновидности: собственно «аффективную» и описательную. Первая, пример которой был дан выше, выражается наличием особого показателя аффективного субъекта и дополнения. Описательную конструкцию мы находим в языке «камаюра (семья тупи-гуарани) *tiara ne-juká?* 'ты голоден?' букв. 'голод тебя-убивает?», или на языке тлингит «*ta-tc uwa djáq* 'он заснул' букв. 'через (-*tc*) сон (*ta-*) он (*uwa*) убит *djáq*'» [9; 121]. Очевидно, что в основе семантики данных выражений находится конкретное предметное действие, преобразующееся в субъектное состояние благодаря представлению действия субъектным признаком, свойством.

Важнейшей первичной синтаксической формой аффективных терминов является также, по мнению многих лингвистов, занимавшихся этой проблемой, безличная конструкция [16; 156]. На материале германских языков С.Д. Кацнельсон наглядно показывает, что в позиции 3-го лица происходили семантические преобразования каузативного предметного действия в восприятие и чувство [6; 40]. На определенном этапе она была личной (как об этом пишет С.Д. Кацнельсон), обозначая различные тотемы. Это могло быть на стадии, когда она выражала аффективное и эмоциональное суждения. Субъект был не выражен и отождествлялся со своим действием и состоянием. На стадии чувства повторяющиеся восприятия превратили «известное» в эмоциональную константу, в то, к чему относятся всегда определенным, раз и навсегда установленным образом, т.е. «признаком», «свойством» того, которое и является постоянно неизвестным. По мнению А.П. Юдакина, в 3-м лице субъект устанавливает «логическую связь между собою и окружающим его миром» и отражает ее в новых грамматических формах предиката [17; 25]. Так возникает 3-лицо, которое, собственно, являясь не лицом, а логическим субъектом по преимуществу, может быть известно, а может быть и неизвестно. Возникновение эмоциональных терминов на базе именно безличного глагола обусловлено тем, что «причина» эмоционального состояния, которая и является собственно субъектом со своими признаками, не известна.

В ряд языковых форм, отображающих логического субъекта и знаменующих появление эмоциональных терминов, помимо «аффективных» и «безличных»

глаголов, нужно поставить и категорию причастия, которая, как известно, тоже представляет действие как признак, свойство, принадлежащее субъекту. Известно, что «предикативное причастие развилось из атрибутивного» [6; 49] и залоговый характер приобрело гораздо позже. По мнению ученика Поттебни А.В. Попова, в раннем периоде значение суффиксов (например, *-t-) страдательного причастия ничем не отличалось от соответствующих суффиксов прилагательных: «(например: *pasatus* — носат; *carnutus* — рогат и т.п.)» [18; 488]. Атрибутивное причастие образовалось путем присоединения к глагольному корню назального или дентального символа дейктического характера. Субъектный характер они приобрели позднее. Как и «аффективные» и безличные глаголы, причастия были предназначены для отображения целого события, в противоположность активным и стативным глаголам, отражавшим активного и инактивного субъектов (в языках активной типологии) в дистрибуции с активным и инактивным действием. В причастии местоименный показатель мог обозначать как деятеля (и в этом смысле ничем не отличаясь от глагола), так и воспринимающего действие, ср. готск. прич. *drugkan[s]* могло иметь значение 'напившийся, пьяный', если речь шла о субъекте, и 'пил то, выпитое', если действие соотносилось с объектом; или *quman[s]* 'пришел он' (→ 'пришедший') [6; 59] и 'его привели (→ 'приведенный')'. Современной иллюстрацией такого значения может быть местоименный показатель абсолютного субъекта в языках эргативного строя, который при переходном глаголе выражает объект воздействия, а при непереходном — субъект действия, ср. в баскск. *n-a-kar* 'он (-а, -о) несет меня' и *n-a-bil* 'я иду'. Показатель *n-* используется здесь для выражения объекта переходного глагола и субъекта — непереходного. Ту же роль в языке американских индейцев дакота выполняет показатель *ma-*: *ma-kaška* 'меня (он) вяжет' и *ma-ŋa* 'я умираю', *ma-wašte* 'я хорош' [6; 79]. Использование одного и того же показателя в роли субъекта и объекта действия было бы невозможно без изменения субъектной связи тождества с глагольным корнем на бытийные, субстанциальные отношения.

По-видимому, абсолютная позиция субъекта была переходной ступенью к образованию причастия. В формуле древнего причастия VP, которую предлагает С.Д. Кацнельсон, хорошо видно это новое отношение, ибо V (транзитивный или интранзитивный глагол) присоединяет показатель P, принимающий «в зависимости от переходности или непереходности глагола значение то реального объекта, то реального субъекта» [6; 59]. По свидетельству исследователей, австралийские языки, сохранившие эргативный (= активный) строй в наиболее нетронутым виде, «еще не знают причастия» [6; 103].

Таким образом, появлению первых эмоциональных наименований предшествует образование в сознании и языке категории субъекта, которая находит выражение в следующих грамматических формах: 1) безличном глаголе и безличной конструкции, на базе которых образуются 2) «глаголы непроизвольного действия» (Г.А. Климов) с особыми синтаксическими конструкциями (морфологически маркированными и описательными); 3) предикативном прилагательном, выражающим субъект двояко: а) просодическим способом и б) формальным (личным или указательным местоимением, прибавляемым «к слову или именной синтагме» [11; 206]); 4) причастии (и причастной конструкции), которое не только отобразило новые бытийные отношения субъекта действия со своим

действием и состоянием, представив их как признак или свойство, но и позволило соотносить их в рамках события также и с объектом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Додонов Б.И. Эмоция как ценность. М.: Политиздат, 1978.
2. Леонтьев А.А. Потребности, мотивы и эмоции // Психология мотивации и эмоций / Под. ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, М.В. Фаликман. М.: АСЕ: Астрель, 2009 г.
3. Вилюнас В. Психология эмоций. СПб.: Питер, 2004.
4. Потебня А.А. Мысль и язык. М.: Лабиринт, 2010.
5. Леонтьев А.А. Лекции по общей психологии: Учебн. пособие. М.: Смысл; Академия, 2010.
6. Кацнельсон С.Д. Историко-грамматические исследования. СПб.: Петербургское лингвистическое общество. 2010.
7. Климов Г.А. К характеристике языков активного строя // Вопросы языкознания. М., 1972. № 4. С. 3-13
8. Уленбек К.Х. Идентифицирующий характер посессивной флексии в языках Северной Америки // Эргативная конструкция предложения. М., 1950, С. 186-207
9. Климов Г.А. Типология языков активного строя. М.: ЛИБРОКОН. 2009.
10. Уленбек К.Х. Agens и Patiens в падежной системе индоевропейского падежа // Эргативная конструкция предложения. М., 1950. С. 101-102
11. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
12. Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка: Морфология. М.: Едиториал УРСС, 2010.
13. Семереньи О. Введение в сравнительное языкознание. М.: Едиториал УРСС, 2010.
14. Леонтьев А.А. Деятельность, сознание, личность. М.: Смысл; Академия, 2004.
15. Степанов Ю.С. Вид, залог, переходность [балто-славянская проблема II] // Известия АН СССР, Серия лит-ры и языка. Т.36. № 2, 1977, С. 135-152.
16. Гухман М.М. Конструкции с дательным-винительным падежом лица в индоевропейских языках // Изв. АН СССР. ОЛЯ. 1945. № 3-4.
17. Юдакин А.П. Развитие структуры предложения в связи с развитием структуры мысли. М.: Либриком, 2011.
18. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М.: Наука, 1972.

REFERENCES

1. Dodonov, B.I. *Jemocija kak cennost'* [Emotion as a Value]. Moscow: Politizdat, 1978 (in Russian).
2. Leont'ev, A.A. Needs, Motives, and Emotions. *Psihologija motivacii i jemocij — The Psychology of Motivations and Emotions*. Ed. Gippenreiter, Yu.B., Falikman, M.B. Moscow: ACE, Astrel, 2009 (in Russian).
3. Viljunas, V. *Psihologija jemocij* [The Psychology of Emotions]. St. Petersburg: Piter, 2004 (in Russian).
4. Potebnja, A.A. *Mysl' i jazyk* [Thought and Language]. Moscow: Labirint, 2010 (in Russian).
5. Leont'ev, A.A. *Lekcii po obshhej psihologii* [Lectures on General Psychology]. A Handbook for University Students. 5th edition. Moscow: Smysl; Akademia Publ., 2010 (in Russian).
6. Kacnel'son, S.D. *Istoriko-grammaticheskie issledovanija* [Historical Grammatical Research]. St. Petersburg: Peterburgskoe lingvisticheskoe obshhestvo, 2010 (in Russian).

7. Klimov, G.A. On the Characteristics of Active-type Languages. *Voprosy jazykoznanija — Questions of Philology*. No. 4: 3-13 (in Russian).
8. Ulenbek, K.H. Identifying Nature of Possessive Flexion in the Languages of North America. *Jergativnaja konstrukcija predlozhenija — Ergative Sentence Construction*. Moscow, 1950. 186-207 (in Russian).
9. Klimov, G.A. *Tipologija jazykov aktivnogo stroja* [Typology of Active-type Languages]. 2nd edition. Moscow: Librokon, 2009
10. Ulenbek, K.H. Agens and Patiens in the Case System of the Indo-European Case. *Jergativnaja konstrukcija predlozhenija — Ergative Sentence Construction*. Moscow, 1950. 101-102 (in Russian).
11. Benvenist, Je. *Obshhaja lingvistika* [General Linguistics]. Moscow, 1974 (in Russian).
12. Kuznetcov, P.S. *Istoricheskaja grammatika russkogo jazyka: Morfologija* [Historical Grammar of the Russian Language: Morphology]. 3rd edition. Moscow: Editorial URSS, 2010 (in Russian).
13. Semeren'i, O. *Vvedenie v sravnitel'noe jazykoznanie* [An Introduction to Comparative Philology]. 3rd edition. Moscow: Editorial URSS, 2010 (in Russian).
14. Leont'ev, A.A. *Dejatel'nost', soznanie, lichnost'* [Activity, Consciousness, and Personality]. Moscow: Smysl; Akademia Publ., 2004 (in Russian).
15. Stepanov, Ju.S. Aspect, Voice, and Transitivity [the Balto-Slavic Problem II]. *Izvestija AN SSSR, Serija lit-ry i jazyka — News of AS USSR*. Vol. 36, No. 2 (1977). P. 135-152 (in Russian).
16. Guhman, M.M. Constructions with Dative-Accusative Case of the Person in Indo-European Languages. *Izvestija AN SSSR — News of AS USSR*. No. 3-4 (1945) (in Russian).
17. Judakin, A.P. *Razvitie struktury predlozhenija v svjazi s razvitiem struktury mysli* [Sentence Structure Development in Connection with Thought Structure Development]. 2nd edition. Moscow: Librikom, 2011 (in Russian).
18. Vinogradov, V.V. *Russkij jazyk (grammaticheskoe uchenie o slove)* [Russian Language (Grammatical Teaching About the Word)]. 2nd edition. Moscow: Nauka, 1972 (in Russian).